

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

ОТ АНТИЧНОСТИ И РАБСТВА – К РЕВОЛЮЦИЯМ И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**Часть 2****канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ**(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [1, с. 25]. Имя автора этой фразы хорошо известно – Томас Джефферсон. Но его, как и некоторых других американских революционеров, сильно смущал один вопрос – относятся ли слова Декларации независимости о том, что все люди «созданы равными», к 1/5 населения бывших колоний? В конце концов, этот выдающийся человек был преуспевающим табачным виргинским плантатором, владел сотнями рабов, фактически содержал гарем из черных невольниц (их совместные дети также были рабами). Проблема состояла и в том, что Вирджиния – южный штат, там хозяева в большинстве случаев были лишены возможности освобождать своих рабов, но если это происходило, то требовало невероятных усилий и выполнения множества формальностей (Джефферсон, однако, освободил семерых негров-мужчин).

Но фактическая сторона дела не столь важна. На примере Томаса Джефферсона, одного из самых просвещенных людей своего времени, хорошо видно, какая огромная пропасть разделяла тогда людей, сколь неуловимыми и значительно более прочными, чем само рабство, были ментальные предрассудки. Будучи человеком своей эпохи, Джефферсон так и не покончил как минимум с четырьмя из них. Речь идет о превосходстве хозяина над рабом, белого человека над всеми другими людьми, аристократа над чернью, мужчины над женщиной. Верно замечено, что «наиболее известные защитники свободы – отцы-основатели США, например, – тщательно отмеряли ее только для принадлежащих к их собственной расе и полу» [2, с. 109]. В конце XVIII века расовый вопрос о черных «недочеловеках» встал остро как никогда. К этому времени рабовладение в самой Англии было противозаконным, а революционная Франция и вовсе отменила рабство на всех заморских территориях.

Институт рабства как апофеоз юридического и социального неравенства людей снова и снова становился «каменным гостем» всех велеречивых североамериканских деклараций и конституций. Почему так? Вновь, как и в Англии, политическая мысль устремлена между двумя «полюсами» – библейской основой и опорой на род, поэтому «Джефферсон в Париже (там он был послом США накануне революции. – А. П.) мог сколько угодно провозглашать свою приверженность к энциклопедистам – это не избавляло его от неловкости, когда французские друзья, из бесед с которыми он и черпал свое вдохновение, напоминали ему, что в его стране, при свободном республиканском строе, все еще существует рабство» [3, с. 60]. Была, конечно, очень важной и экономическая причина рабства, ведь рабовладельческий способ производства был эффективен в США и составлял основу материального благополучия очень многих американцев.

Кстати сказать, «хотя на Севере было меньше рабов, выгода рабского труда там так же, как и на Юге, никогда не ставилась под сомнение. В 1740 году законодательное собрание штата Нью-Йорк заявило, что следует всячески поощрять прямой ввоз рабов и в то же время строго наказывать контрабандистов, поскольку они могут помешать деятельности честных торговцев» [4, с. 255]. Дальнейшее развитие событий, как это не выглядит парадоксально, показало, что в отмене рабства в США были заинтересованы не чернокожие, а белые. В условиях построения индустриального общества труд свободных рабочих является более продуктивным и экономным, что доказано экономическими расчетами. Но здесь надо сказать об ином влиянии рабства: оно оставляет неизгладимый след в душах хозяев, придавая определенную направленность их мыслям и склонностям.

Как представляется, естественные права человека, которые по настоянию Джефферсона оказались в преамбуле американской Конституции, посягнули на самые что ни на есть ценности иерархического христианского общества. Хотел того Джефферсон либо нет – значения сейчас не имеет. Смятение в умах тогда было у многих, достаточно вспомнить времена войны за независимость, когда в революционную армию вербовали негров, обещая им свободу, и одновременно обещали белым, за их переход в армию Вашингто-

* Часть 1 статьи опубликована в журнале «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки». – 2017. – № 5. – С. 103–113.

на, чернокожих рабов. Обратим внимание на сильнейший библейско-протестантский отпечаток, неизменно присутствующий в сознании, языке и политической риторике американских переселенцев-колонистов.

Раннее христианство времен Римской Империи соглашалось с рабством в полном соответствии с Ветхим и Новым Заветом, но духовно готовило почву для его отмены. Важнейшее выражение взглядов христианской церкви этого периода представлено в труде Св. Августина (354–430) «*О Граде Божьем*» [5]. Право частной собственности и рабство, по его представлению, суть явления, которое до грехопадения человека не существовало в естественном праве. Они введены богом, с одной стороны, как наказание, а с другой – как стремление к оказанию человеку помощи во время его земного существования. Конкретный смысл теологии Св. Августина заключался в том, что создаваемые человеком законы должны строиться на этических идеалах человеческой любви, сердечности и служении благу, что не предполагало рабства в условиях идеальной справедливости. Во времена Св. Августина христианство уже было объявлено государственной религией, что изменило культурные условия: уже нет ни римлян, ни варваров, но есть объединенные христиане и братья во Христе.

В раннем европейском Средневековье христианство в лице своих иерархов и институций покончило с рабством, но в XV веке христиане же и возродили его. Правда, с оговоркой: «Они допустили его в свою собственную систему только как исключение и позаботились о том, чтобы рабами могли быть люди лишь одной расы. Таким образом, рана, нанесенная человечеству, не была обширной, но это лишь усугубило трудности ее лечения» [4, с. 253]. Экспессы работорговли в Европе имели место с XI века, связано это было с формированием средиземноморского, в первую очередь мусульманского, пространства с его крупными городами (Каир, Кордова, Палермо), где был высокий спрос на товары, потребление и сырье, «побуждая европейский Запад поставлять в этот район те товары, которыми он располагал или которые в изобилии производил: древесину, железо, олово, медь, оружие, а также – обходя церковные запреты – рабов» [6, с. 71]. Но это направлялось внешними силами и обстоятельствами, через четыре века европейцы сами начнут проявлять активность в этом прибыльном деле.

Уже при Энрике Мореплавателе в Португалию стали ввозить партии чернокожих невольников. В 1452 году Папа Римский Николай V специальной буллой санкционировал захват португальцами африканских земель и обращение их жителей в рабство. К началу XVI века в Португалии появились целые районы, где негритянских рабов было больше, чем местных жителей. В Лиссабоне 25% населения были чернокожие [7, с. 55]. Но это – вывоз африканцев в Европу, а в Америку их начали вывозить испанцы. В 1510 году первые 250 африканцев с побережья Гвинейского залива были доставлены на золотые рудники острова Эспаньола (Гаити). Но работорговля стала индустрией «благодаря» англичанам и голландцам, создавшим громадные плантационные хозяйства.

В мировоззренческом плане «реабилитация» института рабства связана, как ни удивительно, с именем Фомы Аквинского, доминиканского монаха (1225–1274), который через сочинения арабского комментатора Аверроэса (1126–1198) «открыл» Аристотеля для католической церкви, так как сумел убедить ее верных служителей в том, что философские трактаты Аристотеля хорошо согласуются с христианской теорией. Для нашей темы Аквинский интересен своими набросками общих контуров естественно-правовой системы. Как и Аристотель, Фома Аквинский считал, что согласно естественному праву рабство вполне допустимо. Как полагает Э. Аннерс [8, с. 153], такая точка зрения роковым образом сказалась на будущих поколениях. Дело в том, что когда португальцы и испанцы в XV и XVI века завоевали Америку, они получили от папы разрешение на введение рабства на новом континенте. Папа в свою очередь ссылался на Аквинского, который, как известно, после своей смерти был канонизирован и возвеличен до высших авторитетов церкви.

Когда же оказалось, что американские индейцы были не в силах выдержать тяжелый рабский труд, другой доминиканский монах Лас Касас (1474–1566) в 1517 году посоветовал императору Карлу V (в 1519–1556 гг. тот был испанским королем Карлосом I) в качестве рабов использовать негров, заменив ими аборигенов-индейцев. Однако католическая церковь в лице Папы Лео XIII осудило работорговлю. (Справедливости ради отметим, что еще ранее это сделал Филипп де Коммин, знаменитый историк Средневековья. Он первым публично заявил, что у Африки, помимо войны и разобщенности, «есть и еще одна беда: одни ее жители продают других христианам, а португальцы сделали торговлю черными рабами обычными занятием» [9, с. 286]). В своем исследовании Жак Эрс [10, с. 24] фиксирует 1444 год как начало захвата рабов в Африке во время португальских морских экспедиций в поисках пряностей и золота.

Это противоречие и разрыв между церковью и светской властью становился все более ощутимым, что усугубилось состоявшейся в XVI веке протестантской Реформацией, отвергнувшей каноническое право церкви. С конца XVI века начинается колонизация Северной Америки, где переселенцы представляли «некатолический» мир Старой Европы. Торговли и завоеваний для успеха белой расы было уже недостаточно. Но освоить огромные территории без подневольного труда было невозможно, очень быстро белых сервентов и каторжников сменили негры, завозимые из Африки. Королева Елизавета I всецело поддержала экспансию на североамериканский континент, выписывая патенты на владение землей

и равнодушно взирая на отток неуживчивых пуритан. С середины XVII века могущественная королевская Африканская компания исправно поставляла черных невольников. Рабство спокойно уживалось с принципами религиозной и экономической свободы как пуритан, так и представителей англиканской церкви.

В католическом сообществе имели место обратные тенденции. Как пишет Л. Канфора, «хорошо знакомые с действительным положением вещей в колониальных владениях, последовательные в своих выступлениях иезуиты – во имя Евангелия, рискуя отлучением от церкви и обвинением в ереси, – проникли в самую суть социального неравенства и прежде всего рабства. [...] Но такой христианский радикализм, наличествовавший в мире, который английские мятежники клеймили «папистским», и не присутствовал, и не особенно ценился в мире реформаторов, или диссидентов от Реформации, интеллигенции, направлявшей революцию в англосаксонском мире» [3, с. 66–67]. Английская концепция империи была прямо противоположной концепциям, которым следовали конкуренты – испанцы, португальцы, французы. Империя первых основывалась на протестантизме, вторых – опиралась на католицизм.

Трудно представить, но многие набожные священнослужители-протестанты не испытывали никаких угрызений совести относительно рабства, более того – сами занимались работоторговлей. Один из самых известных – Джон Ньютон – на евангелической основе разработал свою апологию работоторговли [11, с. 130]. Суть ее можно изложить так: как можно было считать, что лишаешь африканцев свободы, когда у них не было никакого понятия о ней, кроме как о свободе «не быть проданным»? К слову, убежденными сторонниками рабства либо законченными расистами в разные времена были многие «просвещенные» личности: Дж. Бруно, Парацельс, Вольтер, Гёте, К. Фохт, Л. Бюхнер, Э. Геккель, К. Линней, Ж. Бюффон, Э. Лонг, Ламарк, Гегель, Ф. Энгельс, Л. Окен, Топинар, Ж. Гобино и другие.

Африканцы – просто низший вид, у них нет никаких способностей, системы этики и чувства морали. Под эти взгляды была подведена научная основа. В 1684 году один из первых создателей расовой классификации французский ученый Франсуа Бернье опубликовал работу, в которой употребил и обосновал термин «раса» [12, с. 55]. Такие взгляды не были уникальными. Даже Джеймс Босуэлл, в других случаях спешивший поднять свой голос в защиту свободы (например, в отношении белых американских колонистов), категорически отрицал, что «негров угнетают», поскольку «сыны Африки всегда были рабами». Поначалу, при освоении Америки, англичане сделали вид, что отвергают рабство, но постепенно все перевесили огромные прибыли и дальнейшие перспективы. И слово Божье отнюдь не было помехой.

Отправившиеся в 1620 году в Америку отцы-пилигримы составили *Plantation Covenant* (колониальный договор), начинавшийся со слов: «Во имя Бога, аминь! Мы, нижеподписавшиеся, подданные Его Величества, нашего суверенного государя Якова, Божьей милостью [...] предприняли во имя Бога, распространения христианской веры...» [13, с. 19]. Историк Натаниел Мортон следующим образом описывает отплытие первых эмигрантов из старой Англии: «... мы должны увековечить знаки Господни, ... обязаны передать нашим детям, чтобы поколения, идущие нам на смену, научились славить Господа...» [4, с. 47]. Законодатели Коннектикута при освоении территории прежде всего занялись уголовным законодательством; при составлении законов у них появилась весьма странная идея почерпнуть их из Ветхого Завета: «Кто будет поклоняться иному Богу, кроме Господа нашего, – будет предан смерти» [4, с. 50]. Далее следует десяток подобных положений, целиком взятых из книг Второзакония, Исхода и Левита. Читая все эти посвящения, невольно проникаешься настроением религиозным и одновременно торжественным, от них словно веет духом древности, каким-то библейским благовоением.

Эта тональность американского права, развивающегося как бы в рамках общего права, показательна характеризует серьезные особенности его развития в рассматриваемый период. Верно отмечено Н.А. Петровским [14, с. 45], что первые английские колонии на территории Америки в начале XVII века, принесшие с собой и принципы общего права, с трудом их приняли на новой исторической почве. Не было классических юристов и судов, к тому же поселенцы жили под влиянием идей свободы личности, о которой не говорилось в общем праве. Именно поэтому такое значение имели религиозные нормы, акты местных властей и примитивные кодексы, воспроизводящие на основе аналогии правовые нормы Старого Света.

Стиль этих документов, составленных в первой половине XVII века, эхом отдается через полтора столетия в Декларации независимости, окончательный текст которой сохранил многое от черного варианта, набросанного в июле 1776 года Томасом Джефферсоном. Библейский пафос сохранен, приверженность христианской религии несомненна (в отличие от французов), но как все это сочетать с духом свободы и равенством людей, т.е. правами человека? Дело в том, что «основатели новой Англии были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами. С одной стороны, их сдерживали оковы определенных религиозных верований, а с другой – они были совершенно свободны от каких-либо политических предрассудков» [4, с. 53]. Отсюда и появились две различные, зачастую противоречащие друг другу тенденции, которые отразились как в законах государства, так и в нравах общества. Связь между религиозными убеждениями и отстаиванием народного суверенитета пуританами осознавалась намного проще («Народ по воле Божией есть источник всякой справедливой власти»). Все дело в том, что Священное Писание содержит в себе недвусмысленное оправдание для фактического поддержания рабства.

Даже с точки зрения современной науки о возникновении общества это не должно выглядеть необычным – «человек *развился не в условиях свободы*». Свой тезис Ф.-А. фон Хайек объясняет так: «Член маленькой группы, принадлежность к которой равносильна для него выживанию, может быть кем угодно – только не свободным существом» [15, с. 485]. Иными словами, свобода не врожденное, а приобретенное состояние, она – артефакт цивилизации, избавивший человека от оков малой группы, а затем – и государства. Чем более человек стремится жить в условиях открытого и свободного общества, тем больше ему приходится прилагать усилий по своему внутреннему освобождению и освобождению других. Сейчас как никогда понятны слова А.П. Чехова о том, что «*всю свою жизнь мне пришлось по капле выдавливать из себя раба...*».

О Ветхом Завете и говорить нечего, рабовладение находится среди тех общественных институций, которые существовали не только среди народов, окружающих израильтян, но и внутри израильского социума. Однако, как верно замечает Р.А. Папаян [16, с. 62], относительно рабов и рабства в Библии можно видеть совершенно уникальный подход, который заключается в том, что раб *не противопоставляется* свободному ни в своем достоинстве, ни в правовом отношении.

Этим библейское право кардинально отличается от, скажем, римского права, построенного на принципе, согласно которому «главное разделение в праве лиц состоит в том, что все люди – или свободны или рабы» [17, с. 18]. Это положение институции Гая почти буквально повторяется и в Дигестах Юстиниана [17, с. 169], оно не имело аналогов в греческой античной традиции. Не случайно зарождавшаяся политическая модель США была основана преимущественно на римском, а не греческом наследии. Ментальное сходство Рима и США конца XVIII века более чем очевидно, и через институт рабства это можно четко проследить, скрупулезно различая рабство как таковое и его последствия.

В античном греческом мире, например, хозяин и раб принадлежали, как правило, к одной расе, часто раб стоял выше хозяина по своему воспитанию и знаниям (баснописец Эзоп был рабом). Их разделяла только свобода одного и несвобода другого. Получив свободу, рабы быстро смешивались с хозяевами. Отпущенные на волю рабы внешне были похожи на граждан полиса, и вскоре их невозможно было различить. Превращение Рима в империю обозначило расовый вопрос, жители завоеванных территорий – от варваров Северной Европы до черных нубийцев. Но все они были рабами, непохожими на латинян, грубыми, невежественными. Германцы и негры не прибывали в Рим по своей воле, их даже можно освободить, но от этого они не переставали быть совершенно чуждыми для граждан Империи. Происхождение и внешние признаки, полученные от предков, не давали им никакой возможности преодолеть низкое положение в обществе.

Институт работорговли Л.Н. Гумилев называет «элементом частичного этнопаразитизма» [18, с. 382], поскольку обращение в неволю другого человека имеет своей необходимой предпосылкой убежденность в том, что он иной, нежели рабовладелец. Для египтян и англосаксонских плантаторов это – негр; для римлян – варвар; для иудеев – необрезанный; для мусульман – кафир, т.е. «неверный», и т.д. Но и своих обращали в рабство, хотя институт долгового рабства всегда считался аморальным и встречал сопротивление многих законодателей: в Афинах – Солон, в древнем Израиле – автора Второзакония, тогда как обращение в рабство иноплеменников считалось естественным у всех народов. Вспомним, что месенские илоты возмущались не тем, что их грабили и убивали, а тем, что это делали такие же спартиаты, тоже потомки Гераклидов. Это шокировало даже эллинов, хотя все они были заядлые рабовладельцы и работорговцы. Например, в классической стране рабовладельческой формации – древней Греции – победители в межплеменных войнах не лишали побежденных личной свободы, а облагали их налогом. Но позже нравы ужесточились, в противниках стали видеть врагов, и появилось рабство.

Необходимо уточнить, что «римляне обычно проявляли уважение к местным правам и институтам в провинциях с древней цивилизацией (Египет, Малая Азия), тогда как их влияние было гораздо сильнее в тех провинциях, в которых до их покорения городская (т.е. культурно развитая – А. П.) жизнь была слабо выражена или вовсе отсутствовала (Африка, дунайские провинции)» [19, с. 16]. В античности отсутствовали нарочитый расизм и ксенофобия, но в этом обществе перегородка между цивилизацией и варварством была поставлена твердо из-за его этноцентричности: достойными признавались только греческие и римские ценности и институты. Освобожденный раб или варвар вполне мог вступить в лоно цивилизации, если отказывался от собственных ценностей в пользу ценностей цивилизаторов. В новообразованных США принять тот или иной закон, изменявший отношение к черным, не было большой проблемой, главная трудность заключалась в изменении нравов и преодолении предрассудков, опорой которых были род и Библия.

Существование рабства в Библии [20] попросту фиксируется как установившаяся в мире реальность, но фиксация эта дополняется и запретом на превращение сограждан в рабов: «Покупайте себе раба и рабыню из народов, которые вокруг вас; [...] над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте» (Лев. 25. 44, 46). Одно из важнейших требований – человеческое отношение к рабу: «Не господствуй над ним с жестокостью и бойся Бога твоего» (Лев. 25.43); «Не обижай раба» (Сир. 7.22); «Разумного раба да любит душа твоя, не откажи ему в свободе» (Сир. 7.23); «Если есть у тебя раб, то поступи с ним, как с братом» (Сир. 33.32). Это требование переходит и в Новый Завет: «Рабы, повинуй-

тесь господам своим по плоти [...] в простоте сердца вашего, как Христу, [...] как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам» (Еф. 6.5-6). И сразу же за этим следует обращение к хозяевам: «И вы, господа, поступайте с ними так же, умеря строгость» (Еф. 6.9). Эти воззрения – из Послания апостола Павла Ефесянам. Но что на деле?

Когда раб Онисим, принадлежавший хозяину Филимону, который тоже был христианином, убежал и добрался до Рима, где связался с Павлом, тот оправил его обратно к Филимону, в далекий фригийский город Колосс с сопроводительной запиской, которая – что крайне знаменательно – включена в собрание писем апостола. Это своего рода шедевр, призванный смягчить хозяина перед лицом преступления против собственности, считавшегося одним из самых серьезных: «...Я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благо вестование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твоё было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он оттого на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного...» (послание к Филимону, 12-16). Обращаясь к Галатам, Павел твердит, что «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского» (Гал. 3.28), но в Первом послании к Коринфянам предупреждает: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван» (Кор. 7.20).

Раннехристианская мысль понятна – пусть все остаются на своих местах, беглые рабы пусть возвращаются к хозяевам, которые, однако, должны к ним относиться человечно, – имея в виду тот факт, что *в мире ином* эти различия теряют силу. Теперь понятно, почему учредители штата Вирджиния в первую очередь думали о том, чтобы разработать закон против беглых рабов. Главный среди них – губернатор Т. Джефферсон, идеолог всех американских Деклараций и Конституций. Фрагмент его автобиографии [...] процитирован на стене мраморного мемориала в Вашингтоне, округ Колумбия: «Ничто не записано в книге жизни определеннее, чем то, что эти люди [рабы] должны быть освобождены» (цит. по [11, с. 154]). Но в тексте автобиографии далее следует – и строители мемориала необъяснимым образом пропустили эти слова, – что «в то же время, когда обе расы будут свободными, они не смогут жить в одном государстве, так как природа, привычки и убеждения воздвигли между ними непреодолимые преграды» [...]. Джефферсон полагал, что иерархии необходимы, и поэтому они существуют в природе, в том числе и среди белых людей.

Он писал в 1813 году Джону Адамсу: «Я согласен с Вами, что среди людей встречаются аристократы от природы. Такие люди прежде всего добродетельны и талантлив» [цит. по 21, с. 93]. Но если опираться на эти принципы, следует сказать, что на свете нет двух равных людей. Поскольку все люди в разной степени наделены талантом, способностями и добродетелями, единственный способ достичь полного равенства – это тирания, однако Джефферсон был ее заклятым врагом во всех возможных проявлениях. Не случайно, первоначально приветствуя Французскую Революцию с ее «свободой, равенством, братством», он резко осудил затем якобинский режим, особенно – правление Наполеона Бонапарта. Так какое же равенство влекло Томаса Джефферсона?

Будучи поборником античных идеалов, он отдавал себе отчет в том, что свобода и равенство в классической древности были и «элитарными», преимущественно «эгоистическими», предназначенными для немногих – «добродетельных и талантливых». Но таких всегда меньшинство, они предположительно и должны составлять элиту, поэтому неудивительно, что во всех аспектах античной жизни всегда наряду со свободой присутствовало рабство. Как мы убедились, «картина мира» на библейской христианской основе также не предполагала утверждения свободы для всех, здесь и сейчас, в зримом воочию, конкретном обществе. Джефферсон не лицемерил – он был ревностным христианином (поэтому не протестовал против рабства) и последователем своего «рода», «этноса» (и поэтому давал себе отчет в том, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций). Он говорил о равенстве перед законом, о свободе в сообществе равных людей, но никогда не признавал идеи об одинаковости и равноценности людей, мультикультурализм был ему неведом.

С институтом рабства Джефферсон смирялся, но видел в его существовании большую проблему: «При мысли о том, что Господь воздаст по заслугам, я поистине трепещу за свою страну» [22, с. 249]. Это его слова по поводу рабства в южных штатах, но на тот момент не было никакой возможности отклониться от англосаксонской направляющей революции – если речь идет не о фантомных идеях, а о ее практической составляющей. Мировоззрение людей такого масштаба, как Томас Джефферсон, не могло не быть внутренне непротиворечивым. Удачной в данном случае полагаем формулировку Гарольда Дж. Бермана: «Вера в естественную добродетель человека, в чистоту и силу разума, в перспективы науки и неотвратимость прогресса опровергали древнюю веру в Священное Писание и традиции, в греховность человека, в провиденциальный характер человеческой истории и в силу благодати и откровения» [23, с. 168]. Каждая из великих революций новой истории Запада – американская и французская – представляет собой одновременно и разрыв со старой традицией, и ее обновление.

На тот момент было что сравнивать, тем более в историографии то и дело поднимается вопрос: «Не следует ли говорить о единственной *атлантической* революции, которую начали английские колонии в Америке, получившие значительную помощь от Франции; революции, которая затем продолжилась в Париже в 1789 году» [3, с. 34]. Нельзя сказать, что европейский вариант революции проходил в соответствии с североамериканской моделью, либо в событиях в США можно увидеть результат длительного влияния Французской революции. Обнаруживается слишком много различий, придающих каждой стране ее специфику, и одно из них очевидно – американская «демократия» включала в себя такое чудовищное явление, как рабство. Следовательно, Джордж Корнуолл Льюис (1806–1863), видный британский политик и государственный деятель, был прав, когда через два десятилетия после выхода в свет знаменитой книги А. Токвиля «*Демократия в Америке*» заметил, что «по сути американская демократия – столь же отсталая, как и демократии античные, в которых отсутствовала основная предпосылка данной формы правления: чтобы весь народ пользовался свободным состоянием!» [3, с. 33]. Но что значит *отсталая* при характеристике явлений, которые имели место более двух тысячелетий назад?

Ценности политической, философской и правовой культуры античной цивилизации являлись интеллектуальным продуктом господствующих классов в определенный момент конкретной исторической реальности, характеризующейся жесткой социальной структурой – глубоко антиэгалитарной. В античной среде разворачивались серьезные конфликты, в которых выражались яростные столкновения интересов *тех* социальных слоев, принадлежавших *тому* времени; с другой стороны, вырабатывались модели и понятия – в чем и состоит особенность этого великого расцвета политической культуры, которые в конце концов по праву обрели *общечеловеческую ценность*, выйдя за рамки конкретного значения, какое они имели для своего времени.

Якобинцы попались на своеобразную удочку – будучи приверженными античной демократической «идеологии», к образцам политических доблестей, каковыми являлись античные республики – они не могли не понимать, что свобода и равенство с позиций европейского Просвещения и древней античности – вещи разные и отнюдь не сопоставимые. Институт рабства никак не увязывался в их сознании с идеалами афинской республики. Отменив его, они впали в заблуждение относительно античной свободы, и закономерным результатом этой иллюзии стало то, что свобода современников оказалась в опасности.

Вот почему, уверяет Л. Канфора [3, с. 76], помимо прочих факторов, результаты, каких достигли англосаксонские революции, с одной стороны, и французская революция – с другой, оказались столь несхожими. Обычно упор делается на такие отличия, как автономия и права личности в одних, централизм и якобинский дирижизм – в других. Но очень мало обращают внимание на основное расхождение: первые сосуществовали и способствовали рабству, вторые прямым путем поставили «Права человека» вне расовых и этнических соображений. Но в действительности якобинцы думали не о горестях рабов (в самой Франции, в отличие от США, их никогда не видели), а об удержании власти и отслеживанию состояний, приобретенных подозрительным путем (апофеоз – деятельность санкюлота Эбера, представлявшего экстремистское крыло якобинского блока [24, с. 719]).

Французские революционеры оказались заложниками своих утопических замыслов и политических проектов ускоренных преобразований, последователями тактики террора против врагов свободы и отечества. Не удивительно, что вслед за отменой рабства принимается новый Закон в поддержку террора от 10 июля 1794 года и создается Комитет общественной безопасности, возглавляемый радикально настроенным Луи Антуаном Сен-Жюстом. Это название навеяно опытом американских колонистов, создавших «комитеты безопасности» в самом начале Войны за независимость. Но на этом, пожалуй, все сходство и заканчивается. Не стоит забывать и о цене, заплаченной за революционные эксперименты – цифры говорят сами за себя. Только за якобинский период [25, с. 476] примерно 17 тыс. человек погибло на гильотине как «контрреволюционеры», еще 25 тыс. умерщвлены по этому же основанию другими способами. Около 500 тыс. оказались репрессированными по разным поводам – по доносам и наветам, чаще всего необоснованным (обличение «врагов народа» и «подозрительных», «спекулянтов» и «саботажников» – 1917 год ничего не предложил нового). Больше всего людей погибло в ходе гражданской войны, особенно при подавлении крестьянского восстания в Вандее – потери с обеих сторон составили около 600 тыс. человек. Количество репрессированных крестьян в период «продразверстки», когда в провинции посылались карательные отряды санкюлотов, до сих пор не выяснено – счет идет на сотни тысяч. А последствия от наступившего затем бонапартизма? С 1800 по 1815 год на службу было призвано 3153 тыс., погибло больше половины – около 1750 тыс. человек [25, с. 482]. В итоге – миллионные потери, оккупация страны союзными войсками, контрибуции и национальное унижение. Победа французской революции обошлась непомерно высокой ценой, для самой страны череда мятежей, переворотов, войн и революций только начиналась. Истощенная Франция так и не восстановилась, чего не скажешь о США. По разным подсчетам вырисовывается средняя цифра потерь американских повстанцев и войск британской монархии (где было много немцев-наемников) – около 4 тыс. человек с каждой стороны убитыми и ранеными, умершими от ран и болезней.

Ключевой для нас вопрос о рабстве никак не повлиял на развитие событий и масштабы потерь. Французы посчитали, что рабство негров в колониях противоречит естественному праву, и отменили его, развязав в самой метрополии террор против собственного народа. Американцы, живя по Евангелию, рабство сохранили и приступили к масштабной модернизации страны, приведшей впоследствии к мировому доминированию. Расплата за «отложенный на время вопрос» была тяжелой – кровопролитная война между Севером и Югом и фактически сохранившаяся расовая сегрегация. Однако последствия американской и французской революций эволюционировали по-разному.

В США укреплялись институты демократии, провозгласили свободу совести, развивалась система сдержек и противовесов, в северных штатах повсеместно отменили рабство, наладили прочный союз с Британией, нарастили экономическую и военную мощь, способствовали развалу Испанской и Португальской империй под лозунгом поддержки национально-освободительных движений – все это происходило в контексте мировой истории. Во Франции демократию быстро свернули с воцарением Бонапарта, создали бюрократическое государство милитаристского толка, реставрировали католицизм в качестве государственной религии, с 1802 года восстановили рабство в колониях, настроили против себя всю Европу, проиграли все военные кампании, пережили позор оккупаций и порочные формы режима Луи Бонапарта – превратившись из законодательницы мод на континенте во второразрядную европейскую страну.

Но факт остается фактом – Французская революция явила новую точку отсчета для европейской истории и, разорвав кольцо расистских предрассудков, придала идее «прав человека» очертания конкретной реальности. Впервые чернокожие юридически перестали восприниматься низшими людьми, «недочеловеками», недвусмысленно была отменена личная зависимость цветного населения.

Обращаясь к опыту античных демократий, французы достаточно быстро осознали, сколь наивны их представления о *той* действительности, где – вот что их завораживало больше всего – свобода и равенство вроде бы могли сосуществовать, но внимательное изучение античности всячески опровергало эту гипотезу. Почему к столь далекой по времени матрице обратилась якобинская политическая элита, а до нее – «философская секта» ее учителей, Мабли и Руссо? Иных вариантов попросту не имелось – «это была единственная известная им цивилизация, накопившая идеологический, эмоциональный, анекдотический багаж, который помог ей преодолеть временные пределы и вновь возникнуть на горизонте, суля непосредственную пользу, выражая общечеловеческие ценности (особенно равенство и свободу), которым она придавала форму, которые она превратила в понятия» [3, с. 74]. Представлениям о свободе и равенстве французы стремились придать общечеловеческий масштаб, выйдя за рамки конкретного значения, какое они имели для своего времени.

Не упустим и тот факт, что Французская революция была не просто антирелигиозной, но агрессивно-богоборческой направленности. В условиях отмены христианского Бога свобода, становясь абсолютной, перешла в хаос. Нет ничего удивительного в том, что такой вариант «интеллектуального» безбожия во всем проигрывал североамериканским реформаторам с их опорой на Библию и этнос. Провозгласив и утвердив универсальные принципы, Революция на стадии их воплощения забуксовала и была разгромлена, однако выдвинутый комплекс согласованных идей о социальной справедливости, основанной на равенстве и свободе суверенных граждан, подразумевал и невозможность угнетения иных рас и народов, смирение с несвободой других.

Впервые в истории слово *рабство* прозвучало, чтобы законодательно оказался под запретом этот институт, что послужило идеологической точкой опоры для практического распространения *равенства* и *свободы* по всему миру. Однако это уже не имело к античной традиции никакого отношения. Для справки: Британия была первой метрополией, которая в 1833 году объявила рабовладение на всех своих территориях вне закона, а независимая Мавритания, бывшая французская колония, только в 1980 году официально отменила рабство. Есть и еще одна важная деталь, подмеченная А.П. Никоновым [26, с. 288]. Дело в том, что люди, создавшие США, никогда не были иммигрантами – они были колонизаторами. Если иммигранты прибывают в чужую страну и начинают встраиваться в нее, меняя свою ментальность под местную, то колонисты прибывают на пустые земли (местных дикарей за людей не считали) и привозят с собой ментальность. Их система ценностей и идентификация становятся заглавными, поэтому в Северной Америке стержневой культурой стало англо-саксонское протестантство, вокруг которого и разрастается цивилизация. Сейчас по статистике [12, с. 162] в США протестантами идентифицируют себя 56% населения, католиками – 28%, иудаистами – 2%, прочие – 4%, а к неопределившимся и нерелигиозным относятся 10%. Конечно, консорции англичан, создававшие первые колонии в Америке, не были исключительно протестантскими. Эти группы людей, объединенных одной исторической судьбой, кем только не были: «Новую Англию основали пуритане, Массачусетс – баптисты, Пенсильванию – квакеры, Мериленд – католики, Виргинию – роялисты, Джорджию – сторонники Ганноверского дома» [18, с. 139]. Вот и получалось, что из Англии уезжали «секты», не мирившиеся либо с Кромвелем, либо со Стюартами, а на новой почве, где бывшие споры были не актуальны, они противопоставляли себя новым соседям – индейцам, французам и испанцам. Следует отметить, что заселявшие Америку землепроходцы и старообрядцы так и оставались

в составе своего этноса, не пожелав раствориться в «плавильном тигле», чего не скажешь, например, о переселенцах – евреях. Им история отвела роль «этнических реликтов», и постепенно они потеряли способность к сопротивлению «враждебного» окружения. Новый суперэтнос диктовал свои правила.

Заключение. Те программы поведения и миропонимания, которые первые колонисты привезли с собой из Европы, утвердились и стали основой зарождающейся нации. Причем, как это всегда бывает с оторванными от родины людьми, их ментальность, этика, привычки законсервировались, а к старому возврата не было. Получается, что родина американских колонистов – Европа – в ментальном плане давно ушла вперед от времен, когда от нее отпочковались первые пилигримы. Скажем, в конце XVIII века передовая Европа практически отказалась от ортодоксальной религии, в то время как Америка в массе своей была так же сильна своей библейской религиозностью и протестантским трудолюбием, как и ее первопоселенцы двести лет назад. Французских деистов-просветителей, бездельников-аристократов, заевшихся церковников, обнищавших крестьян (коих в Америке не было никогда) либо праздный городской сброд совершенно невозможно представить в условиях североамериканской жизни.

У основателей США была одна характерная черта – их национальная гордость и мессианское предчувствие носили идеологический, а не племенной, этнический, религиозный либо культурный характер. В этом отношении, безусловно, Америка очень похожа на Рим с его мечтой о мировом порядке. Английские колонисты, которые принесли в Новый Свет все свои ценности – законы, библейские истины, способы возделывания земли и многое другое, ревниво охраняли от посягательств свою аутентичность, в первую очередь язык. Когда в конце XVIII века немецкие переселенцы в Висконсине и Пенсильвании попытались придать своему языку статус второго государственного, то сразу получили жесткий отпор – приехав сюда, ассимилируйтесь под здешние законы, нравы и условия. И не было тогда никакого мультикультурализма при абсолютно лояльном отношении англосаксов ко всем религиям и этносам. Так и современные США наполовину состоят из потомков первопоселенцев и наполовину – из потомков иммигрантов, переработанных обществом, которое создали колонисты. Соблюдай законы и плати налоги – вот и будешь американцем, никто и не вспомнит, кем ты был ранее, сейчас и принадлежность к черной расе не помеха в занятии самой высокой должности, а бывшие заслуги либо родословная не имеют никакого значения. Последние события в США тому подтверждение: имеется в виду президентская гонка кандидатов между Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом. Клан Клинтонов (по мужу Хиллари – бывшего президента США) из колонистов, уже в XVIII веке Девитт Клинтон (1769–1828) был известным политическим деятелем, сенатором, мэром города Нью-Йорк и губернатором штата Нью-Йорк [4, с. 529]. Клинтоны – протестанты английского происхождения. Дональд Трамп – внук немецкого иммигранта-католика, бежавшего из Баварии под страхом преследования за уклонение от воинской обязанности, по матери – из шотландских иммигрантов, бежавших в Америку от голода. Жена Дональда – недавняя иммигрантка из Словении, попавшая в США по любопытным обстоятельствам. Если чета Клинтонов из самой что ни на есть политической элиты, то Трамп к ней никогда не имел никакого отношения, что не помешало ему триумфально выиграть президентские выборы 2016 года. Самые влиятельные политические фигуры по вопросам американской внешней политики: Генри Киссинджер, который происходит из семьи иммигрантов-иудеев, бежавших от нацистов, и Збигнев Бжезинский – поляк-католик, эмигрировавший из «коммунистического рая». Что объединяет этих людей? Они свято верят, что их государственный строй – наилучший из всех возможных, поэтому они или их предки и выбрали эту страну. Так думали и отцы-основатели американской Конституции, которая и через двести лет не утратила своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты : пер. с англ. ; сост. В.И. Лафитский ; под ред. и вступ. ст.: О.А. Жидков. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – 768 с.
2. Тейчман, Дж. Философия. Руководство для начинающих : пер. с англ. / Дж. Тейчман, К. Эванс. – М. : ИНФРА-М, Изд-во «Весь Мир», 1998. – 248 с.
3. Канфора, Л. Демократия. История одной идеологии / Л. Канфора ; пер. с итал. и примеч. А. Миролобовой. – СПб. : Александрия, 2012. – 502 с. – (Серия «Становление Европы»).
4. Де Токвиль, А. Демократия в Америке / А. де Токвиль ; пер. с фр. Гарольда Дж. Ласки. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
5. Августин. О граде Божьем [Электронный ресурс] / Августин // Читать книги онлайн. – 2017. – Режим доступа: http://www.bookol.ru/religiya_i_duhovnost/hristianstvo/257026/fulltext.htm. – Дата доступа: 12.03.2017.
6. Кардини, Ф. Европа и ислам; История непонимания / Ф. Кардини ; пер. с итал. – СПб. : Александрия, 2007. – 332 с. – (Серия «Становление Европы»).
7. Буровский, А.М. Бремя белых. Необыкновенный расизм / А.М. Буровский. – М. : Яуза-пресс, 2011. – 448 с.
8. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс. – М. : Наука, 1996. – 395 с.

9. Ле Гофф Жак. Рождение Европы / Жак ле Гофф ; пер. с фр. А.И. Поповой ; предисл. А.О. Чубарьяна. – СПб. : Александрия, 2014. – 398 с. – (Серия «Становление Европы»).
10. Эрс, Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты / Ж. Эрс ; пер. с фр. М.Ю. Некрасов. – СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2014. – 320 с.
11. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Н. Фергюсон ; пер. с англ. К. Бандуровского. – М. : Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.
12. Лобжанидзе, А.А. Этнография и география религий : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / А.А. Лобжанидзе, С.А. Горохов, Д.В. Заяц. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 176 с.
13. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М. : Юрид. лит., 2005. – 576 с.
14. Петровский, Н.А. Метод аналогии в теоретической юриспруденции / Н.А. Петровский. – Брест : Изд-во «Академия», 2004. – 144 с.
15. Фон Хайек, Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф.А. фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
16. Папаян, Р.А. Христианские корни современного права. – М. : Норма, 2002. – 416 с.
17. Кофанов, Л.Л. Источники по римскому праву : хрестоматия / Л.Л. Кофанов. – М. : ГОУ ВПО РАП, 2011. – 489 с.
18. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. Свод № 3. Междунар. альманах / сост. Н.В. Гумилева ; предисл., коммент., общ. ред., карты А.И. Куркчи. – М. : Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 544 с.
19. Рулан, Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / Н. Рулан ; пер. с фр. ; отв. ред. – В.С. Нерсесянц. – М. : НОРМА, 2000. – 310 с.
20. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Изд. Моск. Патриархии. – М., 1988. – 1376 с.
21. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ ; СПб. : TerraFantastica, 2003. – 444 с.
22. Душенко, К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений / К.В. Душенко. – М. : Эксмо: ИНИОН РАН. Центр гуманитарных науч.-информ. исслед., 2011. – 1216 с.
23. Берман, Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Гарольд Дж Берман ; пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика ; под ред. Н. Малыхиной. – М. : Б-ка Моск. шк. полит. исслед., 1999. – 432 с.
24. Манфред, А.З. Три портрета Великой Французской Революции / А.З. Манфред. – М. : Мысль, 1989. – 432 с.
25. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов / В.Г. Графский. – М. : НОРМА, 2000. – 744 с.
26. Никонов, А.П. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй / А.П. Никонов. – М. : ЭНАС ; СПб. : Питер, 2010. – 360 с.

Поступила 02.03.2017

FROM THE ANCIENT WORLD, AND SLAVERY TO REVOLUTION AND HUMAN RIGHTS

Part 2*

---

* Part 1 of the article published in the journal "Herald of the Polotsk state University. Series D. Economic and legal Sciences". – 2017. – № 5. – P. 103–113.